

Полнолуние

Осень 1944 года. Поселок Сатанов устал от фашистского террора. Но на смену ему пришли лишь карательные операции советского НКВД, набеги банд, а также загадочные нападения на людей. Несколько человек были найдены загрызенными, им в глотки вцеплялся дикий зверь... Пошел слух об оборотне, ведущем жуткую охоту в сатановском лесу.

Милиционер Андрей Левченко, Игорь Вовк, сбежавший из сталинского концлагеря, капитан НКВД Виктор Сомов, дезертир Жора Теплый и командир куреня УПА Гром — всех их судьба объединяет вокруг загадки сатановского оборотня. Старые враги вынуждены противостоять опасности плечом к плечу. Но с кем им предстоит вступить в схватку: с кровожадным зверем или... с человеком, прячущимся за маской монстра?

АНДРЕЙ КОКОТЮХА

ПОЛНОДУНИЕ

Андрей Кокотюха

Полнолуние

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

© Кокотюха А., 2020

© Depositphotos.com / Stefanedwards1, photocosma,
panaramka.ukr.net, Feodora52, Kozlik, KevinWellsPhotography, обложка,
2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском
языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное
оформление, 2020

ISBN 978-617-12-7507-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Осінь 1944 року. Селище Сатанів втомилося від фашистського терору. Але на зміну йому прийшли каральні операції радянського НКВС, набіги банд, а також загадкові напади на людей. Кілька осіб були знайдені з перегризеними горлянками... Пішла чутка про вовкулаку, що веде моторошне полювання в сатанівському лісі.

Міліціонер Левченко, Ігор Вовк, що втік зі сталінського табору, капітан НКВС Сомов, дезертир Жора Теплий і командир куреня УПА Грім змушені протистояти небезпеці пліч-о-пліч. Але з ким їм належить вступити в сутичку: з кровожерним звіром чи... з людиною, що ховається за маскою чудовиська?

Кокотюха А.

К59 Полнолуние : роман / Андрей Кокотюха. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 384 с.

ISBN 978-617-12-7131-9

ISBN 978-966-8659-38-6 (укр.)

Осень 1944 года. Поселок Сатанов устал от фашистского террора. Но на смену ему пришли карательные операции советского НКВД, набег банд, а также загадочные нападения на людей. Несколько человек были найдены с перегрызленным горлом... Пошел слух об оборотне, ведущем жуткую охоту в сатановском лесу.

Милиционер Левченко, Игорь Вовк, сбежавший из сталинского лагеря, капитан НКВД Сомов, дезертир Жора Теплый и командир куреня УПА Гром вынуждены противостоять опасности плечом к плечу. Но с кем им предстоит вступить в схватку: с кровожадным зверем или... с человеком, прячущимся за маской монстра?

УДК 821.161.1(477)

Переведено по изданию:

Кокотюха А. Повний місяць : роман / Андрій Кокотюха. — К., Нора-друк, 2014. — 368 с.

Перевод с украинского *Марты Лисицкой*

Осторожно, ненормативная лексика!

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

Это наша армия, Juanita. Сердце зла. Знаешь, в атомных реакторах есть сердечник. У нас точно такой же. Мы повернули время вспять. Вернулись в тысячелетние сумерки. Наша цель — снова и снова повторять то, что было сначала. Это тело мое. Это кровь моя...

Жан-Кристоф Гранже. Лес мертвецов

Часть первая

Беглецы

Глава первая

Оборотень

1

Они пришли после обеда.

Первым порог магазина переступил худой человек в штатском. Он выглядел так, что невольно выстреливала мысль — человека против его воли морили голодом. Кто его знает, может, правда так было: держали в темном каземате. Или в концлагере. Откуда тот сбежал или, скорее всего, освободили. Спасли от верной смерти. Но, похоже, бедолагу не откормят уже никогда.

Узрев его, Галина Павловна припомнила давний, еще довоенный разговор со своей кумой-медичкой. Она училась в Киеве, получила распределение в больницу Каменца-Подольского, и до войны женщины виделись часто. Почему заговорили тогда о болезнях, в голове не задержалось. Но осталось в памяти: кума клялась, божилась и крестилась — человеческому организму свойственны нарушения обмена веществ. Что имела в виду женщина с институтским образованием, которая даже понимала *латынь*, Павловна не поняла толком. Лишь поверила куме на слово: после такого разные процессы, которые невозможно доступно объяснить далеким от медицины гражданам, становятся необратимыми.

Скажем, мужчину или женщину внезапно начинает раздувать вширь. Это совсем не означает, что человек стал больше есть. Можно сесть на жесткую диету, чуть ли не на хлеб с водой, и все равно не похудеешь.

Точно так и с теми, кто вдруг стал худеть. Хоть пихай в него еду без перерыва — нет смысла. Живот скрутит, будет болеть все внутри, однако кости мясом не обрастут.

Плащ и остальная одежда висели на худом незнакомце, как на вешалке. Таким образом, сказанное Марией подтверждалось просто у Павловны на глазах.

Наверное, сейчас Галина видела перед собой мужчину, который точно не раздобрееет, сколько бы ни ел. Кума называла эту болезнь, только вот слово не удержалось в голове. Галина Павловна специальные термины никогда не могла запомнить. А Мария при этом сетовала — *советы* такие болячки не лечат, да и диагнозов правильных не ставят. Прописывают или здоровое питание, или слабительное и диету. Результат одинаков — без толку.

Слово «советы» кума произносила тихо.

Несмотря на то что поступила уже в советское высшее учебное заведение, неофициально, среди очень проверенных своих, называла власть так же, как и папа — известный в округе земский врач. Его не расстреляли ни большевики, ни петлюровцы. Коммунисты не трогали этого ворчуна, даже когда окончательно закрепились в этих краях. В конце концов, и при старом, царском режиме отец кумы относился к властям скептически.

Политические взгляды хорошего врача никого особенно не интересовали. Это его спасло. Папа кумы Марии вообще-то мог пожить и подольше, но ушел десять лет назад, тихо, мирно, в своей постели. После смерти отца, будто чувствуя, что теперь ей за такую смелость спуску не будет, женщина научилась помалкивать. Однако семейные традиции вместе с генами брали свое — и небезопасные *советы* временами срывались с ее языка. Всякий раз Павловна вздрагивала — и, несмотря на страх, могла употребить в разговоре то же самое словечко.

Сама она, за сорок лет успев пожить при четырех режимах — царском, петлюровском, большевицком и немецком, — пришла к

выводу: ей не нравится ни один. Рассудив трезво, что совсем без власти тоже не дело, договорилась с собой о том, что хочет ту, которая будет обращать лично на нее, гражданку Свириденко, как можно меньше внимания. По примеру кумы Марии решила говорить меньше, думать и слушать — больше. Выработанная привычка помогала ей не слишком бояться какого-либо представителя власти. С нее просто нечего взять. А если начнется война, попадет шальная пуля — так Павловне все равно, кто выстрелит.

Вот почему восприняла появление страшенького незнакомца спокойно.

Ничего он ей не сделает, видела еще и не таких. Даже не пошевелилась, когда следом за худым, тут же прозванным ею живым скелетом, внутрь вошел широкоплечий парень в синей милицейской форме.

Кроме них, в магазине топталась суетливая бабулька. Конец августа на Подолье выдался чрезвычайно теплым, но старушка все же обернула поясицу драным шерстяным платком, чтоб не продуло. Узрев нежданных визитеров, она встрепенулась, губы ее зашевелились, и Галине Павловне показалось: старуха молится. Времена были такие, что не только пожилые люди невольно проговаривали молитву, завидев мужчину в форме. Будь то форма зеленая (военная), серая (полицейская) или синяя (милицейская) — это не имело значения.

Мужчины в форме излучали одновременно страх и смерть. Их не всякий решался считать защитниками. Стоит научиться скрывать такие мысли, иначе беда. Но и поспешно отводить взгляд при их появлении не следует. Идет война, и такое поведение гражданских считается подозрительным.

Даром что у населения страх. У военных — предельная внимательность.

Вот основное требование военного времени.

Потому Галина зыркнула на визитеров с притворным равнодушием. Хотя понимала — зашли не отовариться. А они подступили к грубо сколоченному деревянному прилавку вплотную. Документы показал лишь милицейский лейтенант, будто по форме не видно, где служит. Вблизи женщина рассмотрела шрам на обтянутом желтоватой кожей черепе гражданского. Заговорил с Павловной он,

упершись руками в неструганную поверхность прилавка и глядя почему-то в сторону:

— Заведующая кто?

— Я, — распрямив плечи, ответила женщина. — Свириденко Галина Павловна. — Мгновение подумала, добавила: — Вдова. Муж пошел добровольцем. Убили тогда же, в сорок первом, в июле. Где похоронен — не знаю.

— Мы тут не для того, чтобы сообщить вам место захоронения вашего мужа.

Голос худого был хрипловатым, будто насквозь прокуренный или спитый. Говорил слишком старательно, будто не с человеком беседовал, а надиктовывал казенный документ или какую-то телеграмму. Или докладывал о выполненной работе. Эта манера соответствовала неприятной внешности. Галина, наученная четырьмя властями, смекнула: из этих двоих худой более опасен.

Чего именно нужно ожидать, женщина не представляла. Но никаких грехов как заведующая продовольственного магазина за собой не чувствовала, у нее сплошь полный порядок.

— В чем дело, товарищи? — спросила, добавив суровости.

Бабулька, стоявшая между ними, озабоченно вертела головой, будто бы ощущая приближение чего-то страшного лично для нее. Милиционер кашлянул в кулак, положил старухе руку на плечо, и взгляд Галины тут же зацепился за нечто необычное — вертикальные синие полосы на поверхности его ладони.

— Пойдем, бабка, — произнес лейтенант, глаз при этом дернулся, словно дружески подмигнул.

— Куда, сынок? — вырвалось у старухи. Потом — вполне понятное в таких случаях: — А за что? За что, сынок?

— Проверка, — успокоил милиционер, обращаясь к старухе, но глядя на Павловну. — Обычная проверка. У нас дело к заведующей. Посторонних просим выйти. Идите домой, бабуля.

Поняв, что суровое *начальство* отпускает ее с миром, бабка засуетилась еще сильнее. Был момент, когда Галине показалось — будет целовать лейтенанту правую руку.

Так уже было, прошлой осенью. Эта старуха на глазах всего базара вцепилась в руку немецкому штабс-фельдфебелю и не отпускала, пока не приложила губами, словно к иконе или животворящим мощам.

Дородный немец тогда коротко велел местному полицаяу из тех, кто проводил на базаре облаву, оставить старуху в покое. Вернув при этом конфискованные яйца.

Откровенный грабеж был главной целью подобных облав. А фельдфебель вряд ли пожалел бабку, просто решил вырасти в собственных глазах. Показав заодно вспомогательной полиции, кто в поселке хозяин и чьи приказы полицаяи обязаны выполнять. Между прочим, старушке яички вернули, однако другие ограбленные остались ни с чем...

— Ничего не знаю о проверке, — заявила Галина.

— Что ж это за проверка, если о ней знают, — парировал худой. — Продавец ваш где?

— Я тут одна за всех. Заведующая, продавец, уборщица.

— Знакомая картинка. Тем лучше.

— Чем это лучше?

— Не на кого свалить. Переложить ответственность в случае чего.

— Что я должна перекладывать? В чем я провинилась?

Галина не паниковала. Внутренний голос тихо подсказывал: в любой ситуации выдержка — оружие более действенное, чем срыв в бабскую истерику. Пока прыгала взглядом с милиционера на штатского, старуха торопливо вышла, оставив чуть приоткрытыми двери. Лейтенант тут же исправил ошибку, закрыв их изнутри на засов. Там, возле дверей, и встал. Оттуда удобнее поглядывать в окно.

— Вижу, нервы у вас. Рыльце в пуху или нет? — вкрадчиво поинтересовался худой.

— Слушайте, пришли без предупреждения, сразу пугаете...

— А вы не бойтесь, — перебил тот.

Нездорового цвета кожа натянулась на скулах, отчего лицо еще больше стало напоминать череп. Глаза казались темными дырами, впечатление усиливали круги вокруг них. В отличие от тщательно выбритого милиционера, щеки худого были гладкими совсем не от бритвы. Брови оказались белыми, еще и слегка желтоватыми, под цвет кожи, и очень редкими.

Даже кристально честный человек, который не ощущает за собой никакой провинности, при встрече с таким невольно почувствует тревогу и приближение опасности, хоть и не будет знать ее природы.

— Мне нечего бояться, — решительно отрубила Павловна.

— И не надо, — сказал худой. — От вас, товарищ заведующая, требуется только быть бдительной как никогда. Так, сколько хлебных карточек вы уже успели сегодня отоварить?

Вместо ответа Галина добыла из-под прилавка старый кожаный ридикюль без одной ручки, расстегнула его, двумя пальцами выудила небольшую пачку карточек.

— Вот.

Костлявая рука протянулась ладонью вверх.

— Давайте.

Галина положила карточки назад.

— Документы лейтенанта я видела. Ваши попрошу.

Мужчины переглянулись. Лицо милиционера расплылось в широкой искренней улыбке, обнажив белую зубную коронку в левом уголке.

— Оп! Вот это дело! Говорите, товарищ майор, бдительности нет, бдительности нет...

Тонкие губы на лице худого остались плотно сжаты.

— Похвально, товарищ Свириденко. Похвально. — Говоря так, скользнул рукой за обшлаг старого довоенного осеннего плаща, вытащил красное удостоверение, помахал перед Галиной, не раскрывая. — Майор Романов, управление по борьбе с расхищением социалистической собственности. Областное.

— Из Каменца? — уточнила Галина. — А почему не местное?..

— Вашим местным начальством занимаются, — перебил худой. — Законы военного времени. Расстрельное дело, однозначно.

Только теперь женщина побледнела.

— Расстрельное? Почему...

— Потому что за такое убивать надо! — снова перебил Романов. — Не зря здесь лейтенант Яковлев, из уголовного розыска. Карточки, Галина Павловна, мы у вас изымаем. Составим акт, как положено. Выпишем повестку, с ней придете в ваш отдел НКВД, к следователю Храмову. Знаете такого?

— Поселок небольшой. Он же у нас один следователь... вроде... — Тут же спохватилась, будто только что вспомнила. — Есть еще начальник, товарищ Сомов, солдатики дежурят.

— Людей не хватает, — развел руками Яковлев. — Кадровый голод, лучшие на фронте. Мы с товарищем майором ох как хотим

вперед, на запад! Но приказ есть приказ, в тылу тоже работы полно. Сами же видите.

— Ничего я пока не вижу. — Галина снова полезла в сумку. — Карточки как карточки...

— Хорошо, если так, — кивнул Романов. — Значит, если с ними правда порядок, товарищ Романов отдаст их обратно, тоже под расписку. Ну а если подделка — придется вспомнить, кому вы их отоваривали. Они же еще не погашены?

— Я это делаю... Все это делают в конце дня...

— На сегодня ваш рабочий день завершился. Напишите на дверях... Что хотите, то и пишите, короче говоря. Закрыто, и все. Будьте дома, никуда не ходите. Повестку вам дадим на завтра, на утро.

— Да что случилось, могу я узнать, в конце-то концов? — Вот теперь Галина почувствовала: грань, готова сбиться на совсем не нужную тут истерику.

— Фальшивки гуляют, — не сказал — выплюнул Яковлев. — Где штампуют, черт их разберет. Главное, качество типографское. На первый взгляд от настоящих не отличишь. Потом хлеб, полученный по этим карточкам, перепродают на черном рынке. Знаете, сколько всего можно купить или выменять на хлеб?

Галина уже слышала о таких случаях. Но считала — все это происходит в больших городах, их Сатанов — небольшой поселок. До войны без малого две тысячи человек жило, сахарный завод работал, МТС, электростанция, кооперация потихоньку развивалась. Война забрала многих, сейчас хоть бы больше тысячи наскреблось.

Подобные фокусы бандитам удобнее проворачивать в Каменце-Подольском, как областном центре, или в других городах — Проскурове хотя бы, Дунаевцах или Староконстантинове. Успокаивая себя так, она не допускала, что однажды сама отоварит фальшивые продуктовые карточки. Представляла последствия, прекрасно представляла — руки невольно затряслись.

Испуг читался на ее лице. Женщина вмиг отметила: ее состояние очень понравилось худому майору. Возможно, она преувеличивает, с чего ему так радоваться? Но ее реакцией на свои слова Романов точно остался доволен. Кажется, даже в холодном взгляде блеснула еле заметная искорка.

— Давайте карточки. Товарищ Яковлев сейчас оформит изъятие, составит протокол. Пока без паники. Конечно, звонить по поселку тоже не...

Внезапно замолчал, напрягся, прислушиваясь. Услышала и Галина. Хотя трофейным транспортом никого в Подольском не удивишь, рев мотора мотоцикла *BMW*, который тут называли милицейским, местные жители отличали от других похожих звуков. После убийства начальника поселковой милиции служебный транспорт оседлал старший лейтенант Андрей Левченко.

Он не ехал мимо — держал курс на магазин.

Галину с самого начала несколько беспокоило, когда люди из области пришли к ней не вместе с местными милиционерами.

Пусть Левченко только временно исполняет обязанности. Но ситуация на самом деле выглядела серьезной. Из-за этого женщина решила не лезть с глупыми вопросами: эти двое, очевидно, знают, что делают.

Но что-то в действиях этой парочки заставило женщину насторожиться. Она подхватила с прилавка ридикюль, ступила два шага назад и уперлась спиной в грубо сбитые деревянные полки.

Внимание же следователя и милиционера переключилось на окно. Яковлев стал так, чтоб с улицы не сразу рассмотрели. Романов сперва плавно, будто плывя, переместился, чтобы тоже не мелькать в окне. Потом дал майору непонятный знак, снова приблизился к прилавку вплотную.

— Карточки, — велел коротко.

— Как? — пролепетала Галина.

— Карточки сюда, сука! — прошипел худой, но лучше бы гаркнул — не так страшно, к крикам и грохоту женщина за последние годы давно привыкла.

Не до конца разобравшись, что происходит, Галина инстинктивно прижала ридикюль к себе. Прикрыла руками, будто надеясь так спрятать. Момент, когда Романов вытащил из кармана плаща револьвер, прозевала. Впрочем, даже если бы и заметила, это ничего не меняло — от наставленного ствола никуда не убежать.

— Ой, — чирикнула женщина. — Ой. Не надо.

— Бегом, Череп! — выкрикнул Яковлев, уже держа свой пистолет наставленным на окно.

Мотор заглох — видно, Левченко остановил мотоцикл, и сомнений не оставалось — направляется сюда, к ним.

В ловушку.

— Сумку давай! — опять громко прошипел Романов. — Убью, сучка!

Галина удивилась собственному поступку. Она и подумать не могла, что на такое способна: не покорно протянуть ридикюль вооруженному налетчику, а резким движением отбросить от себя, швырнув на пол, рядом с Романовым. Тогда немного подалась вперед и закричала, высвобождая испуг. И тут же осела на пол, угадывая желание того стрелять и на неуловимое мгновение опережая пулю.

Если бы такое произошло в другое время, Галина наверняка повела бы себя иначе. Но жить — и выживать! — рядом с вооруженными мужчинами ее научили не только последние годы, наполненные войной.

Когда Гале Свириденко было восемнадцать, она вместо того, чтобы бегать за парнями, что больше соответствовало бы ее возрасту, пряталась от пуль, закрывала уши и пригибалась, когда кругом рвались снаряды, и перевязывала раненых. Причем ей было тогда все равно, кому останавливать кровь, большевику или петлюровцу.

Каким был план у нападающих теперь, женщина понятия не имела. Зато понимала: как бы там ни было, но из-за нее все у парочки полетело кувыркком. Они выдали себя, хотя точно не собирались раскрываться до последнего момента.

Снаружи послышался крик Левченко, звон разбитого стекла, еще выстрел, потом грохнуло в ответ. За этим шумом свернувшаяся калачиком под прилавком Галина не могла разобрать никаких слов. Зажмурив глаза, она молилась Богу, чтобы худому — настоящий Череп, иначе и не скажешь, — стало бы не до нее, только бы он не замыслил отомстить женщине.

Между тем худому и «милиционеру» и без Божьего вмешательства было сейчас не до Галины.

Тот, кого назвали Черепом, дернулся за ридикюлем. «Яковлев» рыкнул тоном старшего, которому не возражают:

— Брось!

Обутая в кирзовый сапог нога раздраженно пнула сумку, отбрасывая от стены.

— Сколько их там? — спросил худой.

— Один. Автомат у него... твою мать!

Подтверждая его слова, со двора полоснула по окну короткая очередь.

— Рвем! — скомандовал человек в милицейской форме, послав очередную пулю наружу.

Нырнув под окном, он, недолго думая, двинул по двери, забыв, что сам же закрыл ее на засов. Не переставая ругаться, отодвинул его, опять саданул с носка. Распахнул, дважды выстрелил, вынуждая автоматчика за мотоциклом поменять позицию, и, выиграв секунды, повторил:

— Давай!

Стремительно оказавшись рядом, упершись плечом в косяк двери, худой мгновенно оценил положение.

Двое против одного — явное преимущество.

Тем более что мотоцикл остановился на небольшой полукруглой площадке возле магазина, тем самым превратившись в прекрасную мишень: перекрестный огонь из дверей и окна не оставлял противнику шансов. Но против них был опытный боец, к тому же вооруженный автоматом. Это позволяло на какое-то время заблокировать обоих в магазине. Запасного выхода не предусмотрели, товар разгружали и заносили через передний вход.

Ловушка.

Никто из них не знал этого наперед.

Времени мало. Это понимали не только налетчики. Автоматчик снаружи также просчитал ситуацию. Можно не сомневаться: стрельбу слышали, поселок небольшой, в милицейском участке очень скоро узнают о бое. Так что личный состав будет тут максимум через десять минут — милиция недалеко. Тому, кто контролирует магазин с улицы, нужно лишь придержать тех, кто внутри, еще немножко. Выход для осажденных напрашивался единственный — прорыв.

— Э, вы там! Слышите меня? Бросай оружие, выходи по одному! — донеслось из-за коляски.

— Сейчас! Выйдем! — крикнул человек в милицейской форме.

Подмигнув худому, он ощупью нашел карман галифе. Если бы кто-то мог внимательнее присмотреться к нему, рассмотрел бы — штаны и китель из разных комплектов. Галифе великоваты, приходилось сильнее затягивать ремень, чтобы удержать их на бедрах. Рука нырнула внутрь, вынырнула с гранатой.

Подмигнул снова. Худой так и не понял, тик это или старший на самом деле подбадривает, кивнул в ответ.

Дальше человек в форме ловко отогнул усики. Затем — осторожно выдернул кольцо, крепко сжимая ребристое яйцо в кулаке. Ступил в проем дверей, потом — еще шаг вперед, поднял руки:

— Уговорил, начальник! Амба нам! Добровольно, видишь? Смотри!

Фигура за мотоциклом зашевелилась, помалу начала распрямляться.

И тогда бандит в милицейской форме, коротко размахнувшись, швырнул гранату в его сторону.

В последний момент налетчика осенило — противник точно ожидает подлянки, наверное, разгадал его маневр. В движении, уже когда бросал, он сделал небольшой разворот.

Это изменение положения направило ребристое яйцо не в сам мотоцикл.

Рвануло слева от него, совсем не повредив транспорт.

Офицер действительно предугадал задумку — прыгнул большой кошкой, пришел на руки, перекатился на живот и с этой позиции открыл огонь.

Но нападающие могли расширить сектор обстрела.

Выстрелы худого заставили милиционера снова перекатиться, меняя позицию, — теперь его ничто не прикрывало. Потому что тем временем «милиционер» уже прорывался вперед, пригибаясь на бегу. Главное — добраться за угол улицы, туда, где они оставили свой мотоцикл.

Поняв: двоих не взять, офицер сосредоточился на дверях магазина, скупыми очередями не давая Черепу высунуться.

Вдруг взревел мотор. Мотоцикл с коляской вырвался прямо на него. Переодетый милиционер за рулем выровнял машину, явно идя на таран.

Только того и ожидая, Череп стремглав, будто метко выпущенное пушечное ядро, выскочил из магазина. Стреляя на бегу, отчаянно рванул, стремясь одним махом сократить расстояние между зданием и мотоциклом, который двигался наперерез, чтобы подобрать беглеца.

Крутясь на сухой земле, подымая вокруг облака серой пыли, Левченко наставил автоматное дуло в сторону движущейся мишени. Палец сросся со спуском. Нажал, выпуская последнюю и самую длинную очередь.

Пули ложились веером.

Те, которые догнали Черепа, развернули его на бегу. Упал он, будто мешок с сухими костями, — по крайней мере, таким был звук, когда тело стукнулось о землю. Но человек, назвавшийся майором Яковлевым, получил немалую фору. Поддав газу, он быстро исчез с глаз, оставив после себя облако пыли.

2

— Я так и не услышал, почему налетчики не могли быть членами националистических бандформирований.

Андрей предусмотрел вопрос и приготовил ответ. Капитан Виктор Сомов зациклился на борьбе с вооруженным националистическим подпольем. И Левченко понял: новый начальник местного отдела НКВД в данном случае руководствовался только, так сказать, *логикой* своего назначения.

Михаила Тищенко, начальника сатановской милиции, убили три недели назад, в середине июля.

Оглядываясь назад, Левченко пытался понять, почему события стали развиваться так быстро. Ведь кого-кого, а повстанцев тут не ждали. Потому что еще в начале лета, собрав личный состав, начальник зачитал официальный документ. Где говорилось: стремительное, успешное и победное наступление Красной Армии способствовало быстрой дезорганизации мер фашистских прихвостней, направленных на создание собственных подпольных военных структур. Это означало: на территории Каменец-Подольской области больше не существует незаконных вооруженных формирований украинских буржуазных националистов, созданных для

эскалации террора и насилия. Вот их цель — подрыв социалистического устройства на освобожденных от немцев территориях.

Так что, как завершил тогда короткую политинформацию Тищенко, милиция может сосредоточиться на выполнении своих прямых обязанностей. А именно — борьбе с бандитизмом, спекуляцией и другими нарушениями социалистической законности. На том личный состав и разошелся. Но уже в конце лета правдивость подобных выводов поставило под сомнение убийство того, кто их сделал.

Случилось все за короткое время.

Сперва на базаре патруль задержал вора. Тот, даже не дойдя до участка, заявил: готов предоставить ценную информацию органам, пусть только не будут такими строгими. Получив гарантии, сообщил: у его соседей уже несколько дней живет подозрительная девушка. Раньше воришка ее не видел. Попытки подбить клинья она останавливала, чем вызвала дополнительные подозрения. А вчера ночью к соседям кто-то приходил, и эта девчонка вышла провожать незнакомца. Задержанный божился — немецкие шпионы, не иначе. Собираются подорвать электростанцию, на которой завершаются восстановительные работы.

Подобные случаи обычно немедленно надо передавать в НКВД. Однако начальник пользовался тем важным для него обстоятельством, что в условиях войны милиция как составляющая комиссариата внутренних дел получила больше независимости от «старших товарищей». Оперативное реагирование стало сейчас нужнее тактического согласования действий, что однозначно отнимает время.

Так что вчерашний партизанский командир, который не пошел дальше на фронт, а возглавил милицию в Сатанове, решил самостоятельно начать операцию.

После чего прожил всего лишь тридцать шесть часов.

Документы у задержанной девушки оказались в порядке. Но опытный партизан почувствовал: перед ним может быть связная подпольщиков. Сам не так давно инструктировал партизанских «ласточек».

Посадив ее под арест, Тищенко взял на себя всю ответственность и быстро организовал оперативную проверку. Отдать задержанную под опеку НКВД было правильным решением. Возможно. Однако

убежденному коммунисту, который еще во времена комсомольской юности руководил местными «чоновцами»[1], все же хотелось утереть нос чекистам. Как всякий боевой командир, он недолюбливал их, имея уйму причин считать их тыловыми крысами. Потому он оставил девушку ночевать в камере предварительного заключения, оборудованной при милицейском отделении.

Ночью на милицию напали. Атака была внезапной, стремительной и успешной — пленницу отбили. В коротком бою погибло трое милиционеров и сам начальник. Тищенко остался на ночь у себя в кабинете, чтобы немного поспать, а когда началось — выскочил первым, принял бой, застрелил одного из нападающих и получил две пули, в грудь и в голову.

Тут же подключилось УНКВД. Убитого опознали. Как сообщалось, им оказался боец незаконного вооруженного формирования, которое называло себя Украинской повстанческой армией. Вывод был сделан очевидный: девушка и правда была их связной. Что, по словам руководителя областного управления, означает: так называемые *повстанцы* в дальнейшем планируют проводить рейды в глубоком тылу. Значит, успокаиваться не стоит. Бдительность органов госбезопасности в освобожденных районах стоит максимально усилить.

Поселковое энкавдэшное руководство оперативно поменяли. И Левченко показалось: новый начальник отдела НКВД воспринимал свое назначение как наказание. Именно с этим и ни с чем другим Андрей связывал желание Сомова видеть след «националистических банд» всюду, где стреляли.

Даже случаи нападений бешеных волков на людей.

Еще со второй половины мая, когда жизнь после немецкой оккупации лишь начала налаживаться, местные жители заявили о появлении в окрестных лесах хищников, которые перегрызают людям горло. Жертвами были преимущественно женщины и пожилые люди. Взрослые мужчины или ушли на фронт, или были мобилизованы в милицию и органы местной власти. В милиции Сатанова не знали, как на это реагировать. Работы всем хватало и без четвероногих хищников, тут бы с двуногими разобраться.

Поэтому после второго заявления ныне покойный Тищенко договорился с председателем поселкового совета и секретарем

парторганизации и организовал и провел нечто наподобие агитационного похода.

Власти и милиция целый день ходили по людям, предостерегая от прогулок по лесу. Даже собрали от каждого подпись про предупреждение и согласие. После чего ответственность полностью легла на граждан и все, кому родственники потерпевших могли пожаловаться, просто умыли руки.

Это не означало, что с нападениями было покончено. По состоянию на середину августа Левченко насчитал четыре жертвы. Местная библиотечка Полина Стефановна, к которой Андрея поставили на квартиру, как-то между прочим обратила его внимание: все нападения лесного хищника странным образом совпадают с изменениями лунных циклов. В частности, приходится на фазу полнолуния, которая случается ежемесячно. Женщина увлекалась подобными вещами, у нее была достаточно большая подборка старых, еще дореволюционных книг на астрологическую и мистическую тематику. Левченко не знал, запрещены они или нет, и не хотел выяснять. Одинокой женщине симпатизировал, считал: она, как и каждый, имеет право на разные невинные чудачества. Иногда слушал ее рассказы, но, признаться, не верил ни единому слову.

Но в то, что жертвы — дело рук участников националистических банд, он тоже не верил.

Хотя Сомов, едва узнав об этом, развил недюжинную активность. Приказал взять объяснения у каждого из потерпевших, нанес места хищнических нападений на топографическую карту, проследил, чтобы точно такая же висела в милицейских кабинетах, еще и вызвал из области взвод солдат, чтобы обыскать места происшествий.

Конечно же, никто нигде не нашел ни малейших следов, которые доказывали бы причастность людей к таким зверствам. Однако начальник НКВД все равно упрямо гнул свою линию: жестокие убийства местных жителей — дело рук бандитов-националистов. Которые к тому же таким образом пытаются запугать людей. Вооружившись при этом пещерными суевериями, не даром же ходят слухи про оборотней и прочую нечисть. Мол, другого способа посеять панику у них нет. Ведь армия и силы госбезопасности нанесли им сокрушительный удар под дых, когда Первый Украинский фронт после освобождения Киева начал стремительную наступательную операцию.

Погнали фашистов, а значит — их подельников. Но эти, в отличие от немцев, пытаются кусаться. И Сомов руку давал на отсечение: они тем самым выполняют задание немецкой разведки по дестабилизации в советском тылу, всеми способами сея панику.

Раньше, когда начальник говорил такое, Левченко принципиально отмалчивался. Однако сейчас у него в руках был весомый аргумент для возражения.

— Личность бандита, которого я застрелил, опознали, товарищ капитан, — доложил сдержанно. — Внешность характерная, вы же сами видели.

— Ага. Дохляк, — кивнул Сомов. — Придет такое ночью, глянешь — заикой станешь.

— Ну, тут не надо недооценивать. Хотя пустое, он уже мертв. Правда, ходячая особая примета. Артюхович Илья Ильич, тысяча девятьсот одиннадцатого года рождения. Кличка — Череп. До войны дважды судим за бандитизм. Руководил кустом вспомогательной полиции в Бердичеве, лично расстреливал представителей еврейского населения. Заочно осужден трибуналом партизанского отряда имени Щорса на смертную казнь. По последним данным, правая рука Георгия Теплова, он же — Жора Теплый. Это его банда орудует в наших краях, товарищ капитан. С июля месяца за ней гоняемся.

— Почему не поймали?

— Людей мало.

— Больше не будет. Ты уверен, старлей, что этот твой Теплый...

— Не мой.

— Ох ты боже мой! Хорошо, вот этот *просто* Теплый никак не связан с националистами?

— Никаким боком, товарищ капитан. Покойный Тищенко в этих краях партизанил. Несколько раз пересекался с повстанцами...

— С кем? — Сомов зыркнул подозрительно, наклонив при этом голову набок.

— Так они себя называют. Это чтобы не путаться в терминах, когда говоришь о бандитах.

— Пусть так. И что ваш Тищенко?

— К тому и веду. Они, повстанцы, значит, воевали со всеми. Нашими, немцами, без разницы. Полицаев точно так же ненавидели, как и остальных уголовников.

— Это еще доказать надо.

— Не об этом речь, товарищ капитан, — вздохнул Левченко. — Я бы тут поверил Тищенко. В смысле, не стали бы они действовать вместе. Повстанцы с бандитами. Не объединились бы. У них цель разная.

Сомов несколько раз сжал и разжал пальцы на обеих руках, выставив их перед собой. Эту привычку продемонстрировал в первый же день знакомства, так и не пояснив, для чего он так делает. Левченко же было все равно, потому что воспринял ее как очередное людское чудачество.

— Давай так, старлей, — произнес он, будто смакуя каждое слово. — Я тебя услышал. Понимаю, что не хочешь никого сейчас запутать. Чтобы разделить преступников, как мух отделяют от котлет. Только для нас с тобой этот, как его там, Жора Теплый и националистические военные отряды одинаковы. Все они — бандиты, незаконные вооруженные формирования. Повстанцы — красивое слово, но чуть не туда. Даже совсем не туда, Левченко. Ладно, каким ветром Теплова и этого костлявого уroda... — он сверился с исписанной бумажкой, — Артюховича занесло в наши края?

— По оперативной информации, переодетые преступники представляются работниками милиции или отдела по борьбе с расхищением собственности. Ходят по магазинам, под разными предложениями изымают карточки за день, преимущественно хлебные или на сахар. Потом через своих людей оптом сбрасывают их спекулянтам. А граждане, у которых конфисковывают такие карточки, вынуждены прийти на разговор в милицию или к определенному следователю. Конечно же, фамилия всегда реальная, но на деле тот, к кому идут, ничего не знает. Таким образом, преступники не только наживаются — они систематически дискредитируют правоохранительные органы в глазах населения. Я на самом деле собирался провести профилактическую беседу с заведующей нашим магазином, ну, вот и нарвался.

Закончив, Левченко увидел — по мере того как он говорил, у Сомова пропадавал живой интерес к сегодняшнему происшествию. Почувствовав момент, быстро перепрыгнул на другую тему:

— А со мной как?

— Что с тобой? Медаль хочешь? Или, как на фронте, наркомовские сто граммов?[2]

— Меня мобилизовали начальником уголовного розыска. До сих пор исполняю обязанности Тищенко. Не совсем понятный круг обязанностей, особенно теперь.

— Что не ясно? — пожал плечами Сомов. — Заменить тебя некем. Сколько народу в розыске?

— Со мной было трое. Без того еле справлялись.

— Кому легко, старлей? Война все перетасовала. Тут любая ситуация нештатная. Даже эти ваши волки в лесу. Пока впрягайся за Тищенко и дальше. Кого-то толкового поставь, так же временно, начальником розыска. Подумай, обстановочка сложная, серьезная. Сейчас присылать сюда новое начальство... Пока войдет в курс дела, туда-сюда... Делается все, Левченко, делается. Там делается, ты тоже свое делай. Заслужишь — сам начальником станешь. И все, свободен. Занимайся своим. Некогда мне тут с тобой.

3

Дом, в котором квартировал Андрей, война не зацепила, потому что он стоял на южной окраине.

Местность больше напоминала отдельный сельский хутор. Хотя Левченко уже знал от Полины Стефановны: много веков назад здесь располагался замок. А вокруг селился мастеровой люд.

Вообще эта нынешняя окраина в давние времена была центральной частью Сатанова.

Сам же поселок тогда еще считался небольшим городком с развитыми ремеслами. Это потом, в начале прошлого века, когда Подолье сменило протекторат и оказалось под влиянием Российской империи, его расстроили вширь. А до статуса поселка оно опустилось после гражданской войны, когда старинные и могучие стены превратились в руины. Величественные когда-то памятники эпохи постепенно покрывались мхом и обрастали травой.

Неподалеку от старого добротного каменного здания, где жила библиотекарша, просматривались в сумерках остатки городских ворот. Раньше через них заходили жители и гости. С тех времен осталась

старая прямоугольная башня в два этажа с темными бойницами. Если присмотреться, можно заметить старинный графский герб на фронте. Чей он, каких благородных господ, Андрей не знал и не интересовался. Это место Левченко облюбовал сразу, как только попал сюда. Часто, возвращаясь под вечер, останавливался возле стен, заходил внутрь, пристраивался в углу, молча выкуривал несколько сигарет. Оказалось, в окружении вечного камня очень хорошо думается. К тому же он создавал определенное чувство защищенности. Что, в свою очередь, давало Андрею возможность побыть собой.

Настоящим собой.

Фамилию Левченко он придумал, когда мама привела его, четырнадцатилетнего, на харьковский железнодорожный вокзал. Сунула в руку билет на поезд. И прошептала со слезами на глазах: «Беги. Уезжай отсюда, сынок. Забудь, кто твои родители. Приедешь в Киев. Там тебя милиция поймает. Не бойся, скажи — сирота, родители умерли в Миргороде. Сейчас много народу мрет, беженцев хватает, они проверять не будут». Андрей хотел перебить, но мама лишь закрыла ему рот ладонью, давала инструкции дальше: «Говори — искал в Киеве тетку. Знаешь только фамилию. Придумай любую, простенькую. Петренко Мария Ивановна, пусть ищут, если захотят. Сам тоже назовись первым попавшимся именем. Выбери, какое нравится, такой шанс. Начнешь новую жизнь. Эта власть пристраивает сирот. Живи, сыночек, выживи им назло. И молчи, родненький, живи и молчи».

До последнего момента мальчик не мог придумать, за кого себя выдать. Подсказал случай. Следователь, который допрашивал малолетнего бродягу, назвался Львом Натановичем. Что-то в тот момент щелкнуло в голове, и Андрей машинально ответил: «Левченко. Андрей Иванович». Сказав, тут же испугался, потому что отчество настоящее. Почему-то показалось — вычислят, что он никакой не Левченко, а сын врага народа, ответственного секретаря одной из харьковских газет.

Отца обвинили в том, что, сговорившись с метранпажем, нарочно выделял в тексте жирными шрифтами буквы, которые складывались в аббревиатуру ОУН. Тем самым фактически подтвердил свою принадлежность к террористической организации, которой руководили контрреволюционеры и так называемые украинские буржуазные

националисты, скрываясь под масками работников культуры и искусства.

Однажды ночью отца забрали, потом написали в той же газете, где он работал, о разоблачении еще одного замаскированного террориста. Мама ждала ареста со дня на день. Андрей уже видел, как в школе ученики по команде учителей начинали травить детей арестованных родителей. Сам мальчик не принимал в травле участия. Но и убежать, чтобы не смотреть на это, тоже не мог. Его ожидало то же самое. Отсрочили процедуру публичного позора летние каникулы: все случилось в разгар горячего июля. Он мог остаться с бабушкой, но мама была откровенна с сыном: ее даже если и арестуют, то выпустят, чтобы выслать из Харькова куда-то далеко. Возможно — в Сибирь, на поселение.

Сколько ее будут таскать, как долго будут решать судьбу — неизвестно. Потому для сына лучше сбежать в никуда, такие слова она нашла для Андрея. И подросток понял, хотя с матерью расставаться не хотелось. «Я буду писать, — выдала заплаканная женщина финальный аргумент. — В Киев, на главпочтамт, до востребования, на свою девичью фамилию, Соломаха. Не сразу, придется потерпеть и ждать долго. Потеряйся в Киеве, Андрюша. Как только мне станет известно о себе и отце, напишу, где и кого искать». Андрей это также принял. Вырос на старых приключенческих романах, так что попытался найти во всем этом что-то похожее на рисковую авантюру. Убеждая себя: ничего страшного, просто приключение, будто бы в книге о графе Монте-Кристо. Все закончится хорошо, надо лишь пройти через горнило испытаний.

Решил так — и сел в вагон. По маминой легенде, мальчишка пустился в бега, не выдержав позора, он у них слишком впечатлительный...

О судьбе отца узнал из газет. Об этом написали дважды. Сначала — когда напечатали список врагов, осужденных на сроки от пяти до десяти лет исправительных работ. Во второй раз — когда поступил в Киевский университет на юридический факультет. Им, первокурсникам, зачитывали подобные статьи с перечнем разоблаченных и наказанных врагов народа на каждой политинформации. Вот как зимой тысяча девятьсот тридцать седьмого года Андрей выяснил — приговор по делу, по которому осудили папу,

пересмотрели. Применив к нему и ряду других злостных террористов-националистов высшую меру социальной защиты.

Мама так и не дала о себе знать. Единственное, что удалось раскопать: ее правда арестовали и бабушка умерла от сердечного приступа через два дня после этого. Разведаль, рискнув сразу после поступления съездить в Харьков. Целый день чувствовал себя шпионом во вражеском тылу, вел себя крайне осторожно и, коротко переговорив с соседкой, которую заодно удивил внезапным появлением, раздобыл нужную информацию. Быстро убежал — очень не понравился соседкин взгляд. С тех пор в родной город попал уже в августе прошлого, сорок третьего года, когда из него окончательно выбивали немцев. Не удержался, прошелся по своей улице, даже попытался отыскать кого-то из знакомых. Живых никого не нашел...

Как ранили тут, под Сатановым, как после госпиталя мобилизовали в милицию — отдельная история...

Сейчас, сидя под прикрытием старых стен, Андрей Левченко в который раз прокручивал в голове собственную тайну, чтобы оценить уровень личной опасности. До этих пор он считал себя оборотнем — во всех смыслах этого слова. Настоящая, приглушенная за десять с лишком лет натура проявлялась не так часто. Но в капитане Сомове он разглядел охотника за такими оборотнями. Заядлый особист запросто повесил на врагов советской власти жертв нападений диких зверей. Потому начнет проверять всех и вся вокруг себя. Сегодня у Левченко вырвалось то «повстанцы», и острый взгляд Сомова, спровоцированный этим словом, зацепил.

Похожие человеческие типы Андрей уже успел изучить. Годы двойной жизни научили его тонко чувствовать запах жареного. Если особист забудет о *такой* оценке «националистических бандитов» сейчас, все равно вспомнит о ней через несколько дней. Что наверняка даст повод внимательнее присмотреться к старшему лейтенанту Левченко. Следствием чего непременно станет запрос личного дела, копание в биографии.

Ну а там — как в сказке: чем дальше, тем интереснее.

Сомову нужен враг. Вряд ли один. Желательно разоблачить кого-то из своих, объявив оборотнем. В отдаленной перспективе он, Андрей Левченко, выглядел, как ни крути, подходящим кандидатом.

Согласившись с самим собой, что не имеет на счет нового начальника поселкового отдела НКВД никаких иллюзий, Андрей успокоился. Так случилось, когда четко понимал, где враг и как он выглядит. Так что, решив в дальнейшем внимательнее следить за словами и эмоциями, Левченко вышел из башни, оседлал мотоцикл и отправился домой.

У Полины Стефановны были гости.

Точнее — гостья.

Напротив библиотекарши за круглым столом на гнутых снизу ножках сидела худощавая, коротко, почти под мальчика стриженная женщина в очках. Внимание привлекала оправа: на фоне поношенных жакета и юбки воспринималась как что-то чужеродное, самой только формой будто бы подчеркивая инаковость обладательницы. Библиотекарша тоже носила очки, круглые, со шнурком вместо левой дужки, чуть треснутые. Зная, как это может восприниматься посторонними, Полина Стефановна старалась надевать их, лишь когда требовалось сосредоточиться. Поэтому библиотечные формуляры заполняла щурясь. Но, раскладывая карты, как вот сейчас перед гостьей, всегда вооружала глаза. В отличие от нее очки на носу пришедшей были забраны в черепаховую оправу, старинные и добротные, они придавали своей обладательнице одновременно солидности, неприступности, заметного чувства стиля и достоинства.

Она будто бы отгораживалась от мира этими стеклышками.

Когда Андрей увидел жену Сомова впервые, почему-то сравнил именно эти строгие добротные очки с крепостной стеной. За которой Лариса Сомова ищет защиты.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте.

Вежливо поздоровавшись, Лариса поднялась, кивнула хозяйке:

— Наверное, побегу, Стефановна.

— Я не все вам объяснила, Лариса Васильевна...

По ее голосу Левченко почувствовал — не особо хочет удержать гостью. Появление квартиранта, наверное, помешало их разговору.

— Спасибо, я все поняла. В другой раз. Я еще зайду, вот найду время...

— Приходите, Ларисочка. Не так часто встречаешь человека, с которым можно поговорить просто так. А то давайте ужинать, чаю...

— У меня Юра дома. Мы с ним тоже собираемся ужинать. И вообще... болеет он.

— Так вы его к Нещерету. С ним и в область не надо, вы же знаете, как нам тут повезло.

Это была чистая правда. Местный доктор Антон Саввич Нещерет, который из-за катастрофической нехватки кадров и лечил, и заведовал больницей, оказался специалистом широкого профиля. Имея в штате лишь нескольких санитарок и медсестер, он вполне справлялся с нагрузкой дореволюционного земского врача. В область больных отправлял в крайних случаях, когда не имел под рукой всего необходимого. Сатановцы без тени шутки считали Нещерета целителем, чьими руками водит Бог.

Лариса одернула юбку.

— Зачем такого важного человека дергать из-за больного мальчишеского горла... Были в Каменце недавно, с мороженым переборщил. Не каждый день дети теперь лакомятся, война. А с вами, Андрей, все хорошо? Вам к товарищу Нещерету не нужно?

— С какого перепугу?

— Слышала, вы нынче были героем. Не ранили вас?

— От меня пули отскакивают. Если я их зубами не поймаю, — хотел пошутить, но увидел — не выходит, отмахнулся: — О героизме... не люблю. Да, бои местного значения. С этим придется жить еще долго.

— К сожалению, — вздохнула Лариса. — Знать бы сколько. Сводку слышали сегодня?

— Не до того. А что, хорошие новости?

— Белоруссию освободили. Наши войска на подступах к Бухаресту. Это если коротко.

— А у нас тут, уважаемые женщины, свои новости, — развел руками Андрей. — Так как, Лариса Васильевна, может, таки по чайку ударим?

— Ударять нужно по врагу. — Молодая женщина улыбнулась одними губами, поправила очки. — Пойду, пойду. Надо кормить своих мужчин. Вы в курсе, Андрей, когда там мой домой собирается?

— Начальство. Только он знает. Так, может, подкинуть?

— Пройдусь пешком. Я не боюсь оборотней, — губы растянулись шире, глаза не смеялись.

Попрощавшись, Лариса Сомова накинула темно-красную, явно трофейную шаль, и двери за ней закрылись.

— Строгая, — кивнул Левченко ей вслед. — Ох, бедная эта детвора, такая учительница им попалась, да еще и по математике.

— Вы о чем?

— Всегда боялся математики, — пояснил Андрей. — А вы, Стефановна, не успокойтесь никак. Все гороскопы, пасьянсы, другое мракобесие, — сказал беззлобно, не осуждал, не ругал, пытался шутить. — И что такое секретное вы тут обсуждали, что мне нельзя слушать? Я же вижу, что прервал ваш интересный разговор.

Сняв свои поломанные очки, Полина Стефановна протерла глаза двумя пальцами.

— Мне почему-то кажется, Андрей, что вам можно доверить чужие секреты. Потому что точно так же кажется, что имеете собственные, разве нет?

— С вашими способностями, Стефановна, вы бы могли легко разгадать все мои страшные тайны.

— Некоторых лучше не знать, — поучительно произнесла хозяйка. — Лариса пришла ко мне сама. Кто-то сказал ей, будто бы библиотекарьша что-то может увидеть... Пророчество, всякое такое. Ничего я не умею, это все сплетни, вы же должны были давно убедиться, Андрей. Тем не менее она пришла.

— Чего хочет? — Спрашивая, Левченко снимал португепю.

— Узнать, жив ли ее муж.

— О! Так спросила бы у меня! Видел капитана Сомова где-то пару часов назад, живым и здоровым.

Полина Стефановна снова нацепила очки, теперь взглянула на Левченко сквозь стеклышки. Руки тем временем ловко собирали разложенные на голой поверхности стола карты.

— Я недаром о тайнах обмолвилась, Андрей. Она в браке с *этим* Сомовым. Но у мальчика, Юрия, другой отец. О нем Лариса и спрашивала. Зовут его Игорь, фамилия Вовк. Воевал, его арестовали, судили как врага народа. С тех пор Лариса ничего о нем не знает, кроме того, что сидит где-то за Уралом, в лагере. Они с Юрой — члены

семьи врага народа, Андрей. Потому она жена капитана НКВД. Нужны дополнительные пояснения?

— Нет. — Левченко почему-то не слишком удивился. — Что она хотела услышать от вас?

— Жив ли Игорь.

— И?

— Я сказала — жив.

Левченко хмыкнул:

— А вы того... точно это знаете? Потому что как-то до сих пор...

— У меня в роду есть цыганская кровь, если это что-то да значит.
— Библиотекарша спрятала колоду в боковой карман старой серой вязаной кофты. — Но даже если бы не было, я сообщила бы женщине то, что она очень хочет услышать о том, кого до сих пор считает *настоящим* мужем. Иногда это намного важнее, Андрей.

Как на кровь ни полагайся, а проверить надо, решил Левченко. Самому интересно стало, жив ли Игорь Вовк...

Глава вторая

Узники Глухой Вильвы

1

Сломанный нос почти не болел.

Правильнее было бы сказать — Игорь Вовк просто привык к боли. Когда его наконец выпустили из БУРа — барака усиленного режима — в зону, боль от ударов сапог вертухаев еще напоминала о себе. Очухавшись, Игорь осторожно ощупал себя и убедился: повезло, ребра, кажется, целы. Руки-ноги тоже. Голова не кружилась и колокола в ней больше не звонили. Хотя Вовк понимал: от такого сильного и безжалостного удара автоматным прикладом без сотрясения мозга, пусть и средней тяжести, вряд ли обошлось. В сухом остатке — сбитый набок нос, но это пустяки.

Могли бы и расстрелять.

Смеркалось. Бригады эков только что привезли с работ, уже прошла переключка, и все разошлись по баракам. Игорь переступил порог своего нового «дома». Придется называть его так, ведь пять ближайших лет заключенный Вовк Игорь Михайлович проведет здесь.

Разве что со временем переведут в другой лагерный пункт, подальше от людей и поближе к холодному Северу.

Это будет зависеть от доброй или злой воли капитана Виктора Сомова.

Судьбу Вовка решил он, организовав донос и закрутив дело. Игорь до сих пор удивлялся, насколько тесен может быть мир, который свел двух врагов детства среди большой войны в одном полку. Старший лейтенант Вовк командовал саперной ротой, капитана Сомова перебросили на особый отдел. Не являясь сторонником сложных конспирологических схем, Игорь уже тогда, когда ему приказали сдать

оружие и объявили арестованным, подумал, глядя на довольное лицо Сомова: «Я так и знал». Конечно, было обвинение, на допросах он все опровергал. Но раз, засучив рукава, за дело взялся такой опытный мастер, Вовк не оставил для себя никаких шансов.

Следствие велось быстро, как того требуют законы военного времени. Заранее понимая, что проиграет, и что процесс установления истины лишь формальность, и военно-полевой суд в ближайшее время может признать его врагом народа, Игорь все равно пытался сопротивляться. Это уже принцип.

Как-то в детстве четверо босяков во главе с Витькой Сомовым загнали его в глухой киевский двор, чтобы объяснить, кто в районе хозяин. Вариантов вырваться невредимым у Игоря не было. Сомов вырос на улице, среди городской шпаны, имел друзей и покровителей среди взрослых уголовников. В четырнадцать лет из Витьки начал складываться довольно серьезный уличный боец. И Вовк со своей музыкальной школой достойным соперником для него не был.

Тем не менее Сомову нравилось травить Игоря не одному, а небольшой стаей. Называл это охотой, всякий раз заявляя: плохой волк из зайца. Раздражителем на самом деле оказалась фамилия: если бы не она, худощавого, болезненного на вид мальчика со скрипичным футляром никто бы не трогал. Но Сомов почему-то завелся.

Родители Игоря переехали из Полтавы в Киев, где он пошел в новую школу. На горе Игоря, он оказался в одном классе с Витькой Сомовым, который с первого же дня взялся за новенького.

До того случая все во дворе ограничивалось дразнилками, шлобанами, подножками, плевками и синяками. Нежелание постоянно быть битым заставило Игоря освоить науку выживания, и убежать от неприятностей парень наловчился довольно скоро. Витька травил новичка не каждый день, в зависимости от настроения, и, бывало, неделями не обращал на Вовка внимания. Но стоило ему получить очередную двойку, за которую дома отец устраивал ему беспощадный нагоняй, как накопленная злость немедленно вымещалась на привычном уже объекте. Такие ситуации Игорь со временем тоже научился предусматривать.

Ситуация ухудшилась, когда у него проснулась симпатия к однокласснице Ларисе Белецкой.

Девочка не оттолкнула новичка. Наоборот, гордо отшивая окружающих хулиганов, эта холодная барышня с длинными волосами внезапно сдружилась с дохляком — так называл объект своих издевательств Сомов. И, как только увидел обоих на улице под ручку, тут же дал понять Игорю, чем недруг отличается от лютого врага.

Там, в глухом дворе на Рейтарской, подростку стало ясно — решается его судьба. От Ларисы отказываться он не собирался. Надежды победить — никакой. Но парень, зажатый в угол, поставил футляр к стене, закрыл его собой и стал отчаянно защищаться. Вначале просто не хотел сдаваться без боя, только отбивался, не атаковал. Но в разгаре короткой стычки будто что-то подсказало схватить кусок кирпича, неумело замахнуться и сильно засадить Витьке в лоб, пустив кровь. Тот сначала удивился. Потом взбесился. И уже через несколько минут этот самый обломок в его руке разбивал пальцы на правой руке «наглеца» Игоря, а потом — скрипку у него на глазах.

У врачей для родителей Игоря было две новости. Первая — хорошая: пальцы срастутся, калекой не останется, с кем не бывает, дети.

Вторая — плохая: об уроках музыки придется забыть. Впрочем, трагедией это стало разве что для папы с мамой: Вовк-старший закончил консерваторию по классу рояля, мама была скрипачкой. Наследственными задатками мальчик обладал, но ходил в музыкальную школу скорее из уважения к родителям, чем вынашивая мечту стать великим маэстро. Так что попытка сопротивления грубой силе внезапно принесла пользу: сама собой отпала потребность осваивать неинтересную, хотя наверняка полезную музыкальную науку.

Заниматься стрельбой и боксом сыну музыкантов тоже не очень хотелось. Но и убегать от Сомова с компанией надоело. Разбитая же скрипка и искалеченная рука имели для Витьки плачевные последствия. Потому что отец Игоря привлек каких-то киевских родственников, и те сделали все возможное, чтобы малолетнего хулигана взяли на милицейский учет. Сомов неделю не появлялся в школе, а когда пришел, обходил врага десятой дорогой, разве что зыркал хищно, в глазах ничего хорошего не читалось. Лариса неизвестно от кого узнала и поведала Игорю по большому секрету: отец после визита милиционера так отходил сына, что тот сутки не

вставал с кровати, а остальные дни не решался выйти из дому — должны были зажить синяки и шишки.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ